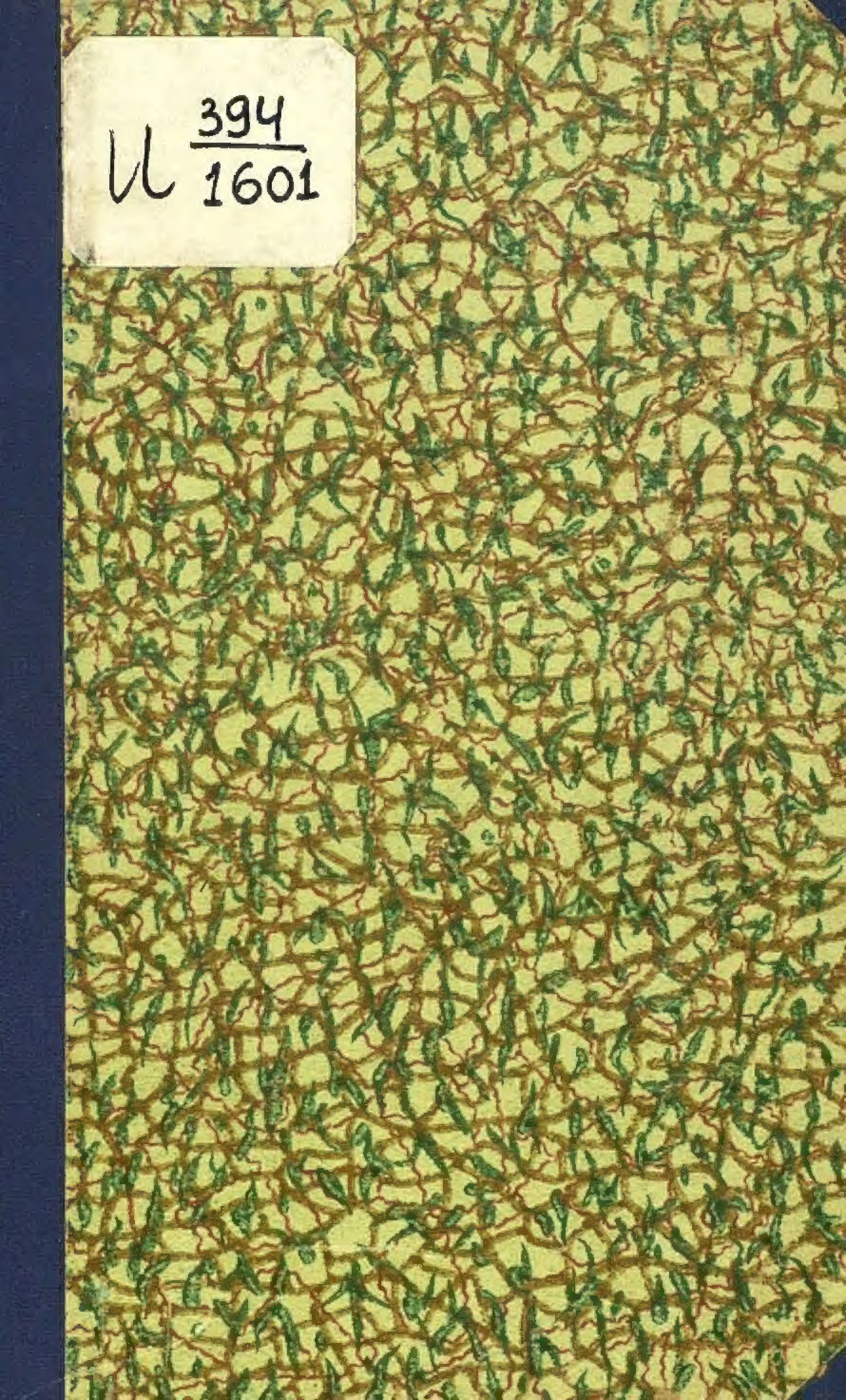

И 394/1601

LE CHRÉTIEN ET L'ÉTAT.

Par Léon Tolstoy.

Prix : 50 cent. ; 5 d. ; 25 Kr. ; 40 Pf. ; 20 коп.

Л. Н. ТОЛСТОЙ.

ОБЪ ОТНОШЕНІИ КЪ ГОСУДАРСТВУ.

ТРИ ПИСЬМА.

1. *Къ Редактору Нѣмецкаго Журнала.*
2. *Къ Либераламъ.*
3. *Къ Редактору Англійской Газеты.*

НЕ ВЪ СИЛѢ БОГЪ,
А ВЪ ПРАВДѢ.

Изданіе Владиміра Черткова.

ЛОНДОНЪ

1897.

Л. Н. ТОЛСТОЙ.

ОБЪ ОТНОШЕНІИ КЪ ГОСУДАРСТВУ

ТРИ ПИСЬМА:

1. *Къ Редактору Нѣмецкаго Журнала.*
2. *Къ Либераламъ.*
3. *Къ Редактору Англійской Газеты.*

Изданіе Владиміра Черткова.

ЛОНДОНЪ

1897.

2007043172

I.

ПИСЬМО КЪ РЕДАКТОРУ НѢМЕЦКАГО ЖУРНАЛА.

Вы пишете, что люди никакъ не могутъ понять того, что исполненіе государственной службы несовмѣстимо съ христіанствомъ.

Точно такъ-же люди долго не могли понять, что индульгенціи, инквизиція, рабство, пытки несовмѣстимы съ христіанствомъ; но пришло время и это было понято, какъ придетъ время и будетъ понято, — прежде несовмѣстимость военной службы съ христіанствомъ (это уже начинается), а потомъ и вообще службы государству.

Еще 50 лѣтъ тому назадъ очень мало извѣстный, но весьма замѣчательный американскій писатель Торо (Thoreau), ясно не только выразилъ эту несовмѣстимость въ своей прекрасной статьѣ объ обязанности человѣка не повиноваться правительству, но и на дѣлѣ показалъ примѣръ этого неповиновенія. Онъ отказался платить требуемыя съ него подати, не желая быть пособникомъ и участникомъ того государства, которое узаконивало рабство, и былъ посаженъ за это въ тюрьму.

Торо отказался отъ уплаты податей государству. Понятно, что на томъ же основаніи не можетъ и служить человѣкъ государству, какъ вы прекрасно выразились въ вашемъ письмѣ къ министру: что вы не считаете совмѣстимымъ съ нравственнымъ достоинствомъ отдавать свой трудъ такому учрежденію, которое служитъ представителемъ узаконеннаго человѣкоубійства и грабительства.

Торо сказалъ это, сколько мнѣ кажется, первый, 50 лѣтъ тому назадъ. Тогда никто не обратилъ на этотъ его отказъ и статью вниманія, — такъ это показалось страннымъ. Объяснили это экцентричностью. Вашъ отказъ уже возбуждаетъ толки, и какъ всегда при высказываніи новыхъ истинъ, двойное удивленіе: удивленіе о томъ, что человѣкъ говоритъ такія

странныя вещи; и, вслѣдъ за этимъ, удивленіе о томъ,— какъ я самъ давно не догадался о томъ самомъ, что высказано этимъ человѣкомъ, — такъ это очевидно и несомнѣнно.

Такія истины, какъ то, что христіанинъ не можетъ быть военнымъ, т. е. убійцей, не можетъ быть слугой того учрежденія, которое держится насиліемъ и убійствомъ, — такъ несомнѣнны, просты и неопровержимы, что для того, чтобы люди усвоили ихъ, не нужно никакихъ ни разсужденій, ни доказательствъ, ни краснорѣчія, а нужно только, не переставая, повторять ихъ для того, чтобы большинство людей услышало и поняло ихъ.

Истины о томъ, что христіанинъ не можетъ быть участникомъ убійства, или служить и получать жалованіе, насильно собираемое съ бѣдныхъ начальниками убійцъ, — такъ просты и неоспоримы, что всякій, слышащій ихъ, не можетъ не согласиться съ ними; и если, услыхавъ ихъ, онъ продолжаетъ поступать противно этимъ истинамъ, то только потому, что онъ привыкъ поступать противно имъ, — что ему трудно переломить себя, и что большинство поступаетъ такъ-же, какъ и онъ, такъ что неслѣдованіе истинѣ не лишаетъ его уваженія большинства наиболѣе уважаемыхъ людей.

Происходитъ то-же, что съ вегетаріанствомъ. „Человѣкъ можетъ быть живъ и здоровъ, не убивая для своей пищи животныхъ; — слѣдовательно, если онъ ѣстъ мясо, онъ содѣйствуетъ убійству животныхъ только для прихоти своего вкуса. Такъ поступать—безнравственно.“ Это такъ просто и несомнѣнно, что не согласиться съ этимъ нельзя. Но потому, что большинство еще ѣстъ мясо, люди, услышавъ это разсужденіе, признаютъ его справедливымъ, и тутъ же, смѣясь, говорятъ: „а все таки кусокъ хорошаго бифстекса — хорошая вещь, и я съ удовольствіемъ поѣмъ его нынче за обѣдомъ.“

Точно такъ-же относятся теперь офицеры и чиновники къ доводамъ о несовмѣстимости христіанства и гуманности съ военной и гражданской службой. „Да, это, разумѣется, правда,“ скажетъ такой чиновникъ, „а все таки пріятно носить мундиръ, эполеты, по которымъ васъ вездѣ пропустятъ и окажутъ уваженіе, и еще пріятнѣе, независимо отъ какихъ бы то ни было случайностей, вѣрно и несомнѣнно получать каждое первое число свое жалованье. Такъ что разсужденіе ваше справедливо, а я все таки постараюсь получить прибавку жалованья и пенсію.“ Разсужденіе признается несомнѣннымъ; но, во первыхъ, убить быка для бифстекса приходится не самому, а онъ уже убитъ, и подати собирать и убивать приходится не самому, а подати уже собраны и войска есть; а во вторыхъ, большинство людей еще

не слыхали этого разсужденія и не знаютъ, что нехорошо такъ поступать. И потому можно еще не отказываться отъ вкуснаго бифстекса и отъ дающаго такъ много пріятнаго мундира, орденовъ, и, главное, ежемѣсячнаго, вѣрнаго жалованія: „а потомъ видно будетъ."

Все дѣло держится только на томъ, что люди не слыхали разсужденія, показывающаго имъ несправедливость и преступность ихъ жизни. И потому надо не уставать повторять „Carthago delenda est", и Carthago непремѣнно разрушится.

Я не говорю, что разрушится государство и его власть,— оно еще не скоро распадется, еще слишкомъ много въ толпѣ грубыхъ элементовъ, поддерживающихъ его, — но уничтожится христіанская опора государства, т. е. перестанутъ насильники поддерживать свой авторитетъ святостью христіанства. Насильники будутъ насильники, и больше ничего. И когда это будетъ, когда имъ нельзя будетъ прикрываться мнимымъ христіанствомъ, — тогда и конецъ всякаго насилія будетъ близокъ.

Будемъ же стараться приближать этотъ конецъ. „Carthago delenda est". Государство есть насиліе, христіанство есть смиреніе, непротивленіе, любовь, и потому государство не можетъ быть христіанскимъ, и человѣкъ, который хочетъ быть христіаниномъ, не можетъ служить государству. Государство не можетъ быть христіанскимъ. Христіанинъ не можетъ служить государству, государство не можетъ... и т. д.

Странное дѣло, — въ то время, какъ вы написали мнѣ о несовмѣстимости государственной дѣятельности съ христіанствомъ, я почти на эту самую тему написалъ длинное письмо одной моей знакомой. Посылаю вамъ это письмо.*) Если найдете нужнымъ, напечатайте его.

12 октября 1896 года.

*) Письмо это нижеслѣдуетъ подъ заглавіемъ: „Письмо къ либераламъ."

II.

ПИСЬМО КЪ ЛИБЕРАЛАМЪ.

Очень радъ былъ бы вмѣстѣ съ вами и вашими товарищами — дѣятельность которыхъ знаю и цѣню — отстаивать права комитета грамотности и воевать противъ враговъ народнаго просвѣщенія; но не вижу никакихъ средствъ противодѣйствія на томъ поприщѣ, на которомъ вы работаете.

Я утѣшаю себя только тѣмъ, что занятъ, не переставая, этой же самой борьбой съ тѣми же врагами просвѣщенія, хотя и на другомъ поприщѣ.

По тому частному вопросу, который занимаетъ васъ, я думаю, что, вмѣсто уничтоженнаго комитета грамотности, надо бы устроить множество другихъ обществъ грамотности, съ тѣми же задачами и независимо отъ правительства, не спрашивая у него никакихъ цензурныхъ разрѣшеній и предоставляя ему, если оно захочетъ, преслѣдовать эти общества грамотности, карать за нихъ, ссылать и т. п. Если оно будетъ это дѣлать, то только придастъ этимъ особенное значеніе хорошимъ книгамъ и библіотекамъ и усилитъ движеніе къ просвѣщенію.

Мнѣ кажется, что теперь особенно важно дѣлать доброе спокойно и упорно, не только не спрашиваясь правительства, но сознательно избѣгая его участія. Сила правительства держится на невѣжествѣ народа, и оно знаетъ это и потому всегда будетъ бороться противъ просвѣщенія. Пора намъ понять это. Давать же правительству возможность, распространяя мракъ, дѣлать видъ, что оно занято просвѣщеніемъ народа, какъ это дѣлаютъ всякаго рода мнимо-просвѣтительныя учрежденія, контролируемыя имъ, — школы, гимназіи, университеты, академіи, всякаго рода комитеты и съѣзды, — бываетъ чрезвычайно вредно. Добро — добро, и просвѣщеніе — просвѣщеніе только тогда, когда оно совсѣмъ добро и совсѣмъ просвѣщеніе, а не примѣнительно къ циркулярамъ министровъ. Главное же, мнѣ

всегда жалко, что такія драгоцѣнныя, безкорыстныя, самоотверженныя силы тратятся такъ непроизводительно. Иногда мнѣ просто смѣшно смотрѣть на то, какъ люди, хорошіе, умные, тратятъ свои силы на то, чтобы бороться съ правительствомъ на почвѣ тѣхъ законовъ, которые пишетъ по своему произволу это самое правительство.

Дѣло, мнѣ кажется, въ слѣдующемъ:

Есть люди, къ которымъ мы принадлежимъ, которые знаютъ, что наше правительство очень дурно, и борятся съ нимъ. Со временъ Радищева и Декабристовъ способовъ борьбы употреблялось два: одинъ способъ — Стеньки Разина, Пугачева, Декабристовъ, революціонеровъ шестидесятыхъ годовъ, дѣятелей 1-го Марта и другихъ; другой тотъ, который проповѣдуется и примѣняется вами, — способъ „постепеновцевъ"—состоящій въ томъ, чтобы бороться на законной почвѣ, безъ насилія, отвоевывая по немногу себѣ права. Оба способа, не переставая, употребляются вотъ уже болѣе полустолѣтія на моей памяти, и положеніе становится все хуже и хуже; если положеніе и улучшается, то происходитъ это не благодаря той или другой изъ этихъ дѣятельностей, а не смотря на вредъ этихъ дѣятельностей (по другимъ причинамъ, о которыхъ я скажу послѣ), и та сила, противъ которой борятся, становится все могущественнѣе, сильнѣе и наглѣе. Послѣдніе проблески самоуправленія: земство, судъ, комитеты грамотности и остальное — все упраздняется.

Теперь, когда прошло столько времени, что тщетно употребляются оба эти средства, можно, кажется, ясно видѣть, что ни то, ни другое средство не годится и почему. Мнѣ, по крайней мѣрѣ, который всегда питалъ отвращеніе къ нашему правительству, но никогда не прибѣгалъ ни къ тому, ни къ другому способу борьбы съ нимъ, недостатки этихъ обоихъ средствъ очевидны.

Первое средство не годится потому, что, если бы даже и удалось измѣненіе существующаго порядка посредствомъ насилія, то ничто бы не ручалось за то, что установившійся новый порядокъ былъ бы прочень, и что враги этого новаго порядка не восторжествовали бы при удачныхъ условіяхъ и при помощи того же насилія, какъ это много разъ бывало во Франціи и вездѣ, гдѣ бывали революціи. И потому новый, установленный насиліемъ, порядокъ вещей долженъ былъ бы непрестанно быть поддерживаемъ тѣмъ же насиліемъ, т. е. беззаконіемъ, и, вслѣдствіе этого, неизбѣжно и очень скоро испортился бы такъ же, какъ и тотъ, который онъ замѣнилъ. При неудачѣ же, какъ это всегда было у насъ, всѣ насилія революціонныя, отъ Пу-

гачева до 1-го Марта, только усиливали тотъ порядокъ вещей, противъ котораго они боролись, переводя въ лагерь консерваторовъ и ретроградовъ все огромное количество нерѣшительныхъ, стоявшихъ по срединѣ и не принадлежавшихъ ни къ тому, ни къ другому лагерю людей. И потому думаю, что руководствуясь и опытомъ, и разсужденіемъ, смѣло можно сказать, что средство это, кромѣ того, что безнравственно,—неразумно и недѣйствительно.

Еще менѣе дѣйствительно и разумно, по моему мнѣнію, второе средство. Оно недѣйствительно и неразумно потому, что правительство, имѣя въ своихъ рукахъ всю власть (войско, администрацію, церковь, школы, полицію), и составляя само тѣ, такъ называемые, законы, на почвѣ которыхъ либералы хотятъ бороться съ нимъ, — правительство, зная очень хорошо, что̀ именно ему опасно, никогда не допуститъ людей, подчиняющихся ему и дѣйствующихъ подъ его руководствомъ, дѣлать какія бы то ни было дѣла, подрывающія его власть. Такъ, напримѣръ, хоть бы въ данномъ случаѣ, правительство, какъ у насъ (да и вездѣ), держащееся на невѣжествѣ народа, никогда не позволитъ истинно просвѣщать его. Оно разрѣшаетъ всякаго рода мнимо-просвѣтительныя учрежденія, контролируемыя имъ—школы, гимназіи, университеты, академіи, всякаго рода комитеты и съѣзды и подцензурныя изданія, до тѣхъ поръ, пока эти учрежденія и изданія служатъ его цѣлямъ, т. е. одуряютъ народъ, или, по крайней мѣрѣ, не мѣшаютъ одурѣнію его; но при всякой попыткѣ этихъ учрежденій или изданій пошатнуть то, на чемъ зиждется власть правительства, т. е. невѣжество народа, правительство преспокойно, не отдавая никому отчета, почему оно поступаетъ такъ, а не иначе, произноситъ свое ,,veto", преобразовываетъ, закрываетъ заведенія или учрежденія и запрещаетъ изданія. И потому, какъ это ясно и по разсужденію, и по опыту, такое мнимое, постепенное завоеваніе правъ есть самообманъ, очень выгодный правительству и поэтому даже поощряемый имъ.

Но мало того, что эта дѣятельность неразумна и недѣйствительна, она и вредна. Вредна этого рода дѣятельность, во-первыхъ, потому, что просвѣщенные, добрые и честные люди, вступая въ ряды правительства, придаютъ ему нравственный авторитетъ, который оно не имѣло бы безъ нихъ. Если бы все правительство состояло бы изъ однихъ только тѣхъ грубыхъ насильниковъ, корыстолюбцевъ и льстецовъ, которые составляютъ его ядро, оно не могло бы держаться. Только участіе въ дѣлахъ правительства просвѣщенныхъ и честныхъ людей даетъ правительству тотъ нравственный престижъ, который оно имѣ-

етъ. Въ этомъ — одинъ вредъ дѣятельности либераловъ, участвующихъ или входящихъ въ сдѣлки съ правительствомъ. Во вторыхъ, вредна такая дѣятельность потому, что для возможности ея проявленія, эти самые просвѣщенные, честные люди, допуская компромиссы, пріучаются по немногу къ мысли о томъ, что для доброй цѣли можно немножко отступать отъ правды въ словахъ и дѣлахъ. Можно, напримѣръ, не признавая существующую религію, исполнять ея обряды, можно присягать, можно подавать ложные, противные человѣческому достоинству, адрессы, если это нужно для успѣха дѣла, можно поступать въ военную службу, можно участвовать въ земствѣ, не имѣющемъ никакихъ правъ, можно служить учителемъ, профессоромъ, преподавая не то, что самъ считаешь нужнымъ, а то, что предписано правительствомъ, даже—земскимъ начальникомъ, подчиняясь противнымъ совѣсти требованіямъ и распоряженіямъ правительства, можно издавать газеты и журналы, умалчивая о томъ, что нужно сказать, и печатая то, что велятъ; дѣлая же эти компромиссы, предѣловъ которыхъ никакъ нельзя предвидѣть, просвѣщенные и честные люди, которые одни могли бы составлять какую нибудь преграду правительству въ его посягательствѣ на свободу людей, незамѣтно отступая все дальше и дальше отъ требованій своей совѣсти, не успѣютъ оглянуться, какъ уже попадаютъ въ положенье полной зависимости отъ правительства: получаютъ отъ него жалованіе, награды и, продолжая воображать, что они проводятъ либеральныя идеи, становятся покорными слугами и поддерживателями того самого строя, противъ котораго они выступили.

Правда, есть и лучшіе, искренніе люди этого лагеря, которые не поддаются на заманиванія правительства и остаются свободными отъ подкупа, жалованья и положенія. Эти люди, большей частью, запутавшись въ тѣхъ сѣтяхъ, которыми ихъ опутываетъ правительство, бьются въ этихъ сѣтяхъ, какъ вы теперь съ своими комитетами, топчась на одномъ мѣстѣ, или, раздражившись, переходятъ въ лагерь революціонеровъ, или стрѣляются, или спиваются, или, отчаявшись, бросаютъ все, и, что чаще всего, удаляются въ литературу, гдѣ, подчиняясь требованіямъ цензуры, высказываютъ только то, что позволено, и этимъ самымъ умолчаніемъ о самомъ важномъ, внося самыя превратныя и желательныя для правительства мысли въ публику, продолжаютъ воображать, что они своимъ писаніемъ, дающимъ имъ средство къ существованію, служатъ обществу.

Такъ что и разсужденіе, и опытъ показываютъ мнѣ, что оба средства борьбы противъ правительства, употреблявшіяся до сихъ поръ и теперь употребляемыя, не только не дѣйстви-

тельны, но оба содѣйствуютъ усиленію власти и произвола правительства.

Что же дѣлать? Очевидно не то, что въ продолженіи семидесяти лѣтъ оказалось безплоднымъ и только достигало обратныхъ результатовъ. Что же дѣлать? А то самое, что дѣлаютъ тѣ, благодаря дѣятельности которыхъ совершалось все то движеніе впередъ къ свѣту, къ добру, которое совершалось и совершается съ тѣхъ поръ, какъ стоитъ міръ. Вотъ это то и надо дѣлать. — Что же это такое?

А простое, спокойное, правдивое исполненіе того, что считаешь хорошимъ и должнымъ, совершенно независимо отъ правительства, отъ того, что это нравится или не нравится ему. Или другими словами: отстаиваніе своихъ правъ, не какъ члена комитета грамотности, или гласнаго, или землевладѣльца, или купца, или даже члена парламента, а отстаиваніе своихъ правъ разумнаго и свободнаго человѣка, и отстаиваніе ихъ не такъ, какъ отстаиваются права земствъ и комитетовъ, съ уступками и компромиссами, а безъ всякихъ уступокъ и компромиссовъ, какъ и не можетъ иначе отстаиваться нравственное и человѣческое достоинство.

Для того, чтобы успѣшно защищать крѣпость, нужно сжечь всѣ дома предмѣстья и оставить только то, что твердо и что мы ни за что не намѣрены сдать. Точно также и здѣсь: надо сначала уступить все то, что мы можемъ сдать, и оставить только то, что не сдается. Только тогда, утвердившись на этомъ несдаваемомъ, мы можемъ завоевать и все то, что намъ нужно. Правда, права члена парламента, или хоть земства, или комитета, — больше, чѣмъ права простого человѣка, и, пользуясь этими правами, кажется, что можно сдѣлать очень многое; но горе въ томъ, что для пріобрѣтенія правъ земства, парламента, комитета, надо отказаться отъ части своихъ правъ, какъ человѣка. А отказавшись хотя отъ части правъ, какъ человѣка, нѣтъ уже никакой точки опоры, и нельзя ни завоевать, ни удержать никакого настоящаго права. Для того, чтобы вытаскивать другихъ изъ тины, надо самому стоять на твердомъ, а если для удобства вытаскиванія самому сойти въ тину, то и другихъ не вытащишь и самъ завязнешь. Очень можетъ быть хорошо и полезно провести въ парламентѣ восьмичасовый день, или въ комитетѣ либеральную программу школьныхъ библіотекъ; но если для этого нужно члену парламента публично, поднимая руку, лгать, произнося присягу, лгать, выражая словами уваженіе тому, чего онъ не уважаетъ; или, для насъ, для проведенія самыхъ либеральныхъ программъ, служить молебны, присягать, надѣвать мундиры, писать лживыя и льстивыя бума-

ги и говорить такія же рѣчи и т. п., то дѣлая всѣ эти вещи, мы теряемъ, отказываясь отъ своего человѣческаго достоинства, гораздо больше, чѣмъ выигрываемъ и, стремясь къ достиженію одной опредѣленной цѣли (большей частью цѣль эта и не достигается), лишаемъ себя возможности достигнуть другихъ, самыхъ важныхъ цѣлей. Вѣдь сдерживать правительство и противодѣйствовать ему могутъ только люди, въ которыхъ есть нѣчто, чего они ни за что, ни при какихъ условіяхъ не уступятъ. Для того, чтобы имѣть силу противодѣйствовать, надо имѣть точку опоры. И правительство очень хорошо знаетъ это и заботится главное о томъ, чтобы вытравить изъ людей то, что не уступаетъ — человѣческое достоинство. Когда же оно вытравлено изъ нихъ, правительство спокойно дѣлаетъ то, что ему нужно, зная, что оно не встрѣтитъ уже настоящаго противодѣйствія. Человѣкъ, который согласился публично присягать, произнося недостойныя и лживыя слова присяги, или покорно въ мундирѣ дожидаться нѣсколько часовъ пріема министра, или записаться въ охрану на коронаціи, или для приличія исполнить обрядъ говѣнія, или впередъ спрашивать у начальниковъ цензуры можно ли, или нельзя ему высказать тѣ, или другія мысли, и т. п., уже не страшенъ правительству.

Александръ II говорилъ, что либералы не страшны ему, потому что онъ знаетъ, что всѣхъ ихъ можно купить не деньгами, такъ почестями.

Вѣдь люди, участвующіе въ правительствѣ или работающіе подъ его руководствомъ, дѣлая видъ, что они борятся, могутъ обманывать себя и своихъ единомышленниковъ; но тѣ, кто съ ними борятся, несомнѣнно знаютъ по противодѣйствію, которое они оказываютъ, что они не тянутъ, а дѣлаютъ только видъ. И это знаетъ наше правительство по отношенію либераловъ и постоянно дѣлаетъ испытанія насколько дѣйствительно есть настоящее противодѣйствіе, и, удостовѣрившись въ достаточномъ для своихъ цѣлей отсутствіи его, дѣлаетъ свои дѣла съ полной увѣренностью, что съ этими людьми все можно.

Правительство Александра III знало это очень хорошо и, зная это, спокойно уничтожило все то, чѣмъ такъ гордились либералы, воображая себѣ, что они все это сдѣлали;—измѣнило, ограничивъ, судъ присяжныхъ; уничтожило мировой судъ; уничтожило университетскія права; измѣнило всю систему преподаванія въ гимназіяхъ; возобновило кадетскіе корпуса; даже казенную продажу вина; установило земскихъ начальниковъ: узаконило розги; уничтожило почти земство; дало безконтрольную власть губернаторамъ; поощрило экзекуціи; усилило административныя ссылки и заключенія въ тюрьмы, и казни поли-

тическихъ; ввело новыя гоненія за вѣру; довело одуреніе народа дикими суевѣріями до послѣдней степени; узаконило убійство на дуэляхъ; установило беззаконіе въ видѣ охраны, съ смертной казнью, какъ нормальный порядокъ вещей; и въ проведеніи всѣхъ этихъ мѣръ не встрѣчало никакого противодѣйствія, кромѣ протеста одной почтенной женщины, смѣло высказавшей правительству то, что она считала правдой. Либералы же говорили потихоньку между собой, что все это имъ не нравится, но продолжали участвовать и въ судахъ, и въ земствахъ, и въ университетахъ, и на службѣ, и въ печати. Въ печати они намекали на то, на что позволено было намекать, молчали о томъ, о чемъ было велѣно молчать; но печатали все то, что велѣно было печатать. Такъ что всякій читатель, получая либеральные газеты и журналы, не будучи посвященъ въ то, что говорилось потихоньку въ редакціяхъ, читалъ изложеніе безъ коментарій и осужденій самыхъ жестокихъ и неразумныхъ мѣръ, подобострастные и льстивые адресы, обращенные къ виновникамъ этихъ мѣръ, и часто даже восхваленій ихъ. Такъ вся печальная дѣятельность правительства Александра III, разрушившая все то доброе, что стало входить въ жизнь при Александрѣ II, и пытавшаяся вернуть Россію къ варварству временъ начала нынѣшняго столѣтія, — вся эта печальная дѣятельность висѣлицъ, розгъ, гоненій, одуренія народа, — сдѣлалась предметомъ безумнаго, печатавшагося во всѣхъ либеральныхъ газетахъ и журналахъ, восхваленія Александра III, и возведенія его въ великаго человѣка, въ образцы человѣческаго достоинства.

То же продолжается и при новомъ царствованіи. Вступившаго на мѣсто прежняго царя молодого человѣка, не имѣющаго никакого понятія о жизни, увѣрили тѣ люди, которые стоятъ у власти и которымъ это выгодно, что для управленія ста милліонами, надо дѣлать то самое, что дѣлалъ его отецъ, т. е. надо ни у кого не спрашивать, что нужно дѣлать, а дѣлать только то, что взбредетъ въ голову, или что посовѣтуетъ первый изъ приближенныхъ льстецовъ. И, вообразивъ себѣ, что неограниченное самодержавіе есть священное начало жизни русскаго народа, молодой человѣкъ этотъ начинаетъ свое царствованіе тѣмъ, что вмѣсто того, чтобы просить представителей русскаго народа помочь ему совѣтами въ управленіи, въ которомъ онъ, воспитанный въ гвардейскихъ полкахъ, ничего не понимаетъ и не можетъ понимать, онъ дерзко, неприлично кричитъ на явившихся къ нему съ поздравленіями представителей русскаго народа, называя робко выраженное нѣкоторыми изъ

ихъ желаніе доводить до свѣдѣнія власти о своихъ нуждахъ, «безсмысленными мечтаніями.»

И что же? Русское общество возмутилось, просвѣщенные, честные люди — либералы — высказали свое негодованіе и отвращеніе, по крайней мѣрѣ воздержались отъ восхваленія такого правительства и отъ участія въ немъ и поощренія его? Нисколько. Съ этого времени начинается особенно напряженное въ запуски восхваленіе и отца, и подражающаго ему сына, и не слышится ни одного протестующаго голоса, кромѣ одного анонимнаго письма, осторожно выражающаго неодобреніе поступку молодого царя, и царю подносятся со всѣхъ сторонъ подлые, льстивые адресы, и, почему то, всякаго рода иконы, которыя никому ни на что ненужны и служатъ только предметомъ идолопоклонства грубыхъ людей. Устраивается ужасающая по своей нелѣпости, безумной тратѣ денегъ, коронація; происходятъ отъ презрѣнія къ народу и наглости властителей, страшныя бѣдствія погибели тысячей людей, на которыя виновники ея смотрятъ, какъ на маленькое омраченіе торжествъ, которыя не должны отъ этого прекращаться; устраивается никому, кромѣ тѣхъ, кто устроили ее, ненужная выставка, на которую тратятся милліоны; съ неслыханной прежде наглостью выдумываются въ канцеляріи синода новыя, самыя глупыя средства одуренія народа, — мощи человѣка, про котораго никто ничего никогда не зналъ; усиливаются строгости цензуры; усиливаются гоненія за вѣру; продолжается положеніе охраны, т. е. узаконенное беззаконіе, и положеніе становится все хуже и хуже.

А я думаю, что всего этого не было бы, еслибъ тѣ просвѣщенные и честные люди, которые теперь заняты либеральной дѣятельностью на почвѣ законности въ земствахъ, комитетахъ, подцензурной литературѣ и т. п., не направляли бы свою энергію на то, чтобы въ формахъ, учрежденныхъ самимъ правительствомъ, какъ нибудь обмануть его и заставить дѣйствовать себѣ на вредъ и погибель,**) а только на то, чтобы ни въ какомъ случаѣ не участвуя въ правительствѣ и ни въ какихъ дѣлахъ, связанныхъ съ нимъ, отстаивать свои личныя права человѣка.

«Вамъ угодно вмѣсто мировыхъ судей учредить — земскихъ начальниковъ съ розгами, — это ваше дѣло; но мы не

**) Иногда мнѣ просто смѣшно подумать, какъ могутъ люди заниматься такимъ очевидно невозможнымъ дѣломъ, точно какъ думать, что можно отрѣзать у животнаго ногу такъ, чтобы оно не замѣтило.

пойдемъ ни судиться къ вашимъ земскимъ начальникамъ, ни сами не будемъ поступать въ эту должность; вамъ угодно сдѣлать судъ присяжныхъ одною формальностью, — это ваше дѣло, но мы не пойдемъ въ судьи, ни въ адвокаты, ни въ присяжные; вамъ угодно, подъ видомъ охраны установить безправіе, — это ваше дѣло, но мы не будемъ участвовать въ ней и будемъ прямо называть охрану беззаконіемъ и смертныя казни безъ суда убійствомъ; вамъ угодно устроить классическія гимназіи съ военными упражненіями и закономъ Божіимъ, или кадетскіе корпуса, — ваше дѣло, но мы не будемъ въ нихъ учителями, не будемъ посылать въ нихъ нашихъ дѣтей, а будемъ воспитывать ихъ такъ, какъ мы считаемъ хорошимъ; вамъ угодно свести на нѣтъ земство, — мы не будемъ участвовать въ немъ; вы запрещаете печатать то, что вамъ не нравится,— вы можете ловить, сжигать, наказывать типографщиковъ, но говорить и писать вы не можете намъ помѣшать, и мы будемъ дѣлать это; вы велите присягать на вѣрность царю, — мы не будемъ дѣлать этого, потому что это глупость, ложь и подлость: вы велите служить въ военной службѣ, — мы не будемъ дѣлать этого, потому что считаемъ массовое убійство такимъ же противнымъ совѣсти поступкомъ, какъ и убійство одиночное, а, главное, обѣщаніе убивать, кого прикажетъ начальникъ, — самымъ подлымъ поступкомъ, который можетъ сдѣлать человѣкъ: вы исповѣдуете религію, отставшую на тысячу лѣтъ отъ вѣка, съ Иверской, мощами и коронаціями, — это ваше дѣло, но идолопоклонство и изувѣрство мы не только не признаемъ религіею, но называемъ изувѣрствомъ и идолопоклонствомъ, и стараемся избавить отъ него людей».

И что можетъ правительство противъ такой дѣятельности? Можно сослать, посадить въ тюрьму человѣка за то, что онъ готовитъ бомбу или даже печатаетъ прокламацію къ рабочимъ, и можно передать комитетъ грамотности изъ одного министерства въ другое, или закрыть парламентъ; но что можетъ сдѣлать правительство съ человѣкомъ, который не хочетъ публично лгать, поднимая руку, или не хочетъ дѣтей отдавать въ заведеніе, которое онъ считаетъ дурнымъ, или не хочетъ учиться убивать людей, или не хочетъ участвовать въ идолопоклонствѣ, или не хочетъ участвовать въ коронаціяхъ, встрѣчахъ и адресахъ, или говоритъ и пишетъ то, что думаетъ и чувствуетъ? Преслѣдуя человѣка, правительство дѣлаетъ изъ такого человѣка, возбуждающаго общее сочувствіе, мученика и подрываетъ тѣ основы, на которыхъ оно само держится, такъ какъ, поступая такъ, оно, вмѣсто того, чтобы охранять человѣческія права людей, само нарушаетъ ихъ.

И стоитъ только всѣмъ тѣмъ хорошимъ, просвѣщеннымъ и честнымъ людямъ, силы которыхъ гибнутъ теперь во вредъ себѣ и дѣлу на революціонной, соціалистической и либеральной дѣятельности, начать поступать такъ, и образовалось бы сплоченное одной мыслью и однимъ чувствомъ ядро честныхъ, просвѣщенныхъ и нравственныхъ людей, и къ ядру этому тотчасъ примкнула бы вся, всегда колеблющаяся масса среднихъ людей и явилась бы та единственная сила, которая покоряетъ правительства, общественное мнѣніе требующее свободы слова, свободы совѣсти, справедливости и человѣчности; какъ скоро составилось бы общественное мнѣніе, такъ не только нельзя было бы закрывать комитетъ грамотности, но сами собой уничтожились бы всѣ тѣ безчеловѣчныя учрежденія въ видѣ охраны, тайной полиціи, цензуры, Шлиссельбурга, синода, съ которыми борятся теперь революціонеры и либералы.

Такъ что для борьбы съ правительствомъ пробованы были два средства, оба неудачныя, и остается теперь испытать третье, послѣднее, которое еще не пробовано и которое, по моему мнѣнію, не можетъ не быть успѣшно. Средство это, коротко выраженное, состоитъ въ томъ, чтобы всѣмъ просвѣщеннымъ и честнымъ людямъ стараться быть какъ можно лучше, и даже лучше не во всѣхъ отношеніяхъ, а только въ одномъ, именно соблюсти одну изъ своихъ элементарныхъ добродѣтелей — быть честнымъ, не лгать, а поступать и говорить такъ, чтобы мотивы, по которымъ поступаешь, были понятны любящему тебя твоему семилѣтнему сыну; поступать такъ, чтобы сынъ этотъ не сказалъ: «а зачѣмъ же ты, папаша, говорилъ тогда то́, а теперь дѣлаешь или говоришь совсѣмъ другое?» Средство это кажется очень слабымъ, а между тѣмъ я убѣжденъ, что только одно это средство двигало человѣчество съ тѣхъ поръ какъ оно существуетъ. Только потому, что были такіе люди прямые, правдивые, мужественные и неуступавшіе никому въ дѣлѣ своего человѣческаго достоинства и совершились всѣ тѣ благіе перевороты, которыми теперь пользуются люди — отъ уничтоженія пытки, рабства до свободы слова и совѣсти. И это не можетъ быть иначе потому, что то, что требуется совѣстью, высшимъ предчувствіемъ доступной человѣку истины, есть всегда и во всѣхъ отношеніяхъ самая плодотворная и самая нужная въ данную минуту для человѣчества дѣятельность. Только человѣкъ, живущій сообразно своей совѣсти, можетъ имѣть вліяніе на людей, и только дѣятельность, сообразная съ совѣстью, можетъ быть полезна.

Но я долженъ оговориться: то, что для достиженія тѣхъ цѣлей, къ которымъ стремятся и революціонеры и либералы

самое дѣйствительное средство есть дѣятельность, сообразная съ своей совѣстью — не значитъ то, что для достиженія этихъ цѣлей можно начать жить сообразно съ своей совѣстью. Нарочно начать жить сообразно съ своей совѣстью для достиженія какихъ либо внѣшнихъ цѣлей — нельзя.

Жить сообразно съ своей совѣстью можно только вслѣдствіе твердыхъ и ясныхъ религіозныхъ убѣжденій. Когда же есть твердыя и ясныя религіозныя убѣжденія, то благія послѣдствія отъ нихъ во внѣшней жизни придутъ неизбѣжно. А потому сущность того, что я хотѣлъ сказать вамъ состоитъ въ томъ, что невыгодно хорошимъ, искреннимъ людямъ тратить силы ума и души на достиженіе мелкихъ, практическихъ цѣлей, какъ разныя борьбы народности, партій, либеральныхъ вымогательствъ, когда не установлено ясное и твердое религіозное міровоззрѣніе, т. е. сознаніе смысла своей жизни и своего назначенія. Я думаю, что всѣ силы души и разума хорошихъ людей, желающихъ служить людямъ, должны быть направлены на это. А когда это будетъ, то будетъ и все остальное.

Простите, что такъ длинно написалъ вамъ, можетъ быть совершенно ненужное вамъ, но мнѣ давно хотѣлось высказатся по этому вопросу. Я началъ даже большую статью объ этомъ, но едвали до смерти успѣю кончить ее, и потому хотѣлось хоть кое-какъ высказаться. Простите, если въ чемъ ошибся.

31 августа, 1896 года.

III.

ПИСЬМО КЪ РЕДАКТОРУ АНГЛІЙСКОЙ ГАЗЕТЫ.

Со времени появленія моей книги «Царство Божіе внутри васъ» и статьи «Христіанство и патріотизмъ», мнѣ часто приходится слышать и читать въ статьяхъ и письмахъ возраженія, не скажу противъ моихъ мыслей, но противъ лжетолкованія ихъ. Дѣлается это иногда сознательно, иногда же безсознательно только по непониманію духа христіанскаго ученія.

«Все это хорошо», говорятъ мнѣ, «деспотизмъ, смертная казнь, вооруженіе всей Европы, угнетенное положеніе рабочихъ и войны, все это великія бѣдствія, и вы правы, осуждая существующій порядокъ, но какъ-же быть безъ правительства? Какое имѣемъ мы, люди съ ограниченнымъ пониманіемъ и разумомъ, какое имѣемъ мы право только потому, что это кажется намъ лучшимъ, уничтожить тотъ существующій порядокъ вещей, посредствомъ котораго предки наши достигли настоящей высокой степени цивилизаціи и всѣхъ ея благъ. Уничтожая государство, мы должны же что нибудь поставить на его мѣсто? Если же нѣтъ, то какъ же рисковать тѣми страшными бѣдствіями, которыя неизбѣжно должны возникнуть, еслибы государство было уничтожено?»

Но дѣло въ томъ, что христіанское ученіе, въ его истинномъ смыслѣ, никогда не предлагало и не предлагаетъ ничего разрушать, и не предлагало и не предлагаетъ никакого новаго своего устройства, которое должно замѣнить прежнее. Христіанское ученіе тѣмъ и отличается отъ всѣхъ другихъ и религіозныхъ, и общественныхъ ученій, что оно даетъ благо людямъ не посредствомъ общихъ законовъ для жизни всѣхъ людей, но уясненіемъ каждому отдѣльному человѣку смысла его жизни, показывая ему, въ чемъ заключается зло и въ чемъ истинное благо его жизни. И этотъ смыслъ жизни, открываемый человѣку христіанскимъ ученіемъ, до такой степени ясенъ, убѣди-

теленъ и несомнѣненъ, что разъ человѣкъ понялъ его и потому позналъ то, въ чемъ зло и въ чемъ благо его жизни, онъ уже никакъ не можетъ сознательно дѣлать то, въ чемъ онъ видитъ зло своей жизни, и не дѣлать того, въ чемъ онъ видитъ истинное благо ея, точно такъ же какъ вода не можетъ не течь книзу, или растеніе не стремиться къ свѣту.

Смыслъ-же жизни, открываемый христіанствомъ человѣку, состоитъ въ томъ, чтобы исполнять волю Того, отъ Кого мы пришли въ этотъ міръ и къ Кому придемъ, выходя изъ него. Такъ что зло нашей жизни только въ отступленіи отъ этой воли, и благо только въ исполненіи требованій этой воли, которыя такъ просты и такъ ясны, что ихъ такъ-же невозможно не понимать, какъ и превратно перетолковывать. Если ты не можешь дѣлать другому того, что хочешь чтобы тебѣ дѣлали, то по крайней мѣрѣ не дѣлай другому чего ты не хочешь, чтобы тебѣ дѣлали: не хочешь, чтобы тебя заставляли работать на фабрикѣ, или въ рудникахъ по десяти часовъ кряду, не хочешь, чтобы дѣти твои были голодны, холодны, невѣжественны, не хочешь, чтобы у тебя отняли землю, на которой ты могъ-бы кормиться, не хочешь, чтобы тебя запирали въ тюрьму, вѣшали за то, что ты по старости, соблазну или невѣжеству совершилъ незаконный поступокъ; не хочешь, чтобы тебя ранили, убивали на войнѣ, — не дѣлай всего этого другимъ.

Все это такъ просто, ясно и несомнѣнно, что малый ребенокъ не можетъ не понять этого, и никакой софистъ не можетъ опровергнуть.

Представимъ себѣ, что работникъ, находящійся весь во власти хозяина, приставленъ къ понятному и любимому имъ дѣлу. И вдругъ къ этому работнику, находящемуся въ полной власти хозяина, приходятъ люди, — которые, онъ знаетъ, находятся въ той же зависимости отъ хозяина, какъ и онъ, и которымъ поручено такое же какъ и ему, опредѣленное дѣло, — и люди эти, не исполняя сами порученнаго имъ хозяиномъ дѣла, требуютъ отъ работника, чтобы онъ дѣлалъ прямо обратное тому, что ему несомнѣнно и ясно безъ всякихъ исключеній предписано хозяиномъ. Что можетъ отвѣтить на такое требованіе всякій разумный работникъ?

Но это сравненіе далеко не выражаетъ того, что долженъ испытывать христіанинъ, къ которому обращаются съ требованіями участія въ угнетеніи, или отнятіи земли, казняхъ, войнахъ и т. п., съ которыми обращается къ намъ государственная власть, потому что какъ ни внушительны могли быть для работника приказанія хозяина, они никогда не сравняются съ тѣмъ несомнѣннымъ знаніемъ каждаго, неизвращеннаго ложными

ученіями человѣка о томъ, что онъ не долженъ дѣлать другимъ того, что онъ не хочетъ, чтобы ему дѣлали, а потому не долженъ принимать участія: въ насиліяхъ, наборахъ, казняхъ, убійствахъ своего ближняго, которые требуетъ отъ него его правительство. Такъ что вопросъ для христіанина не въ томъ, какъ его неумышленно, а иногда и умышленно ставятъ сторонники государства: имѣетъ ли человѣкъ право разрушить существующій порядокъ и замѣнить его новымъ,—христіанинъ и не думаетъ объ общемъ порядкѣ, предоставляя веденіе этого порядка Богу, твердо увѣренный въ томъ, что Богъ вложилъ въ нашъ разумъ и сердце свой законъ не для безпорядка, а для порядка и что отъ слѣдованія открытому намъ несомнѣнному закону Бога ничего кромѣ хорошаго выйти не можетъ — вопросъ для всякаго не только христіанина, но и всякаго человѣка, — не въ томъ, какъ устроить по внѣшнему или по новому, — (никто изъ насъ не приставленъ къ рѣшенію этого вопроса), рѣшенію-же каждаго изъ насъ подлежитъ и не произвольно, а неизбѣжно, вопросъ о томъ, какъ мнѣ поступить въ постоянно представляющемся мнѣ выборѣ: долженъ ли я противно своей совѣсти принять участіе въ правительствѣ, которое признаетъ право на земельную собственность людей, не работающихъ на ней, которое собираетъ подати съ бѣдныхъ для того, чтобы отдавать ихъ богатымъ, которое ссылаетъ въ ссылки и каторги и вѣшаетъ заблудшихъ людей, гонитъ на убійство солдатъ, развращаетъ опіумомъ и водкой народы и т. п. или согласно съ своей совѣстью не участвовать въ правительствѣ, дѣла котораго противны моему сознанію? А что изъ этого выйдетъ, какое будетъ отъ моего такого или иного поступка государство, этого я ничего не знаю и не то, что не хочу, но не могу знать.

Въ томъ то и сила христіанскаго ученія, что оно изъ области вѣчныхъ сомнѣній и гаданій переводитъ вопросы жизни на почву несомнѣнности.

Но скажутъ: «мы тоже не отрицаемъ необходимости измѣненія существующаго порядка и желаемъ также исправить его, но желаемъ исправить не отказомъ отъ участія въ правительствѣ, въ судѣ, въ войскѣ, уничтоженіемъ государства, а, напротивъ, участіемъ въ правительствѣ, пріобрѣтеніемъ свободы, правъ, избраніемъ представителями истинныхъ друзей народа и враговъ войны и всякаго насилія.»

Все это было бы прекрасно, еслибы содѣйствіе улучшенію формъ правленія совпадало бы съ цѣлью человѣческой жизни. Къ несчастью же оно не только не совпадаетъ, но противорѣчитъ ей. Если жизнь человѣческая ограничивается этимъ

міромъ, то цѣль ея гораздо ближе, чѣмъ постепенное усовершенствованіе правительства: она въ его личномъ благѣ; если же жизнь не кончается въ этомъ мірѣ, то она гораздо дальше: въ исполненіи воли Бога. Если она въ моемъ личномъ благѣ и жизнь кончается здѣсь, то какое мнѣ дѣло до будущаго медленнаго благоустройства государства, которое наступитъ когда то и гдѣ то, по всѣмъ вѣроятіямъ тогда, когда меня не будетъ? Если же жизнь моя безсмертна, то цѣль благоустройства англійскаго, нѣмецкаго, русскаго или какого бы то ни было государства въ двадцатомъ столѣтіи слишкомъ мала для меня и никакъ не можетъ удовлетворить требованіямъ моей безсмертной души. Цѣлью достаточной для моей жизни можетъ быть только или сейчасное мое благо, которое никакъ не совпадаетъ съ государственной дѣятельностью податей, судовъ, войнъ, или вѣчное спасеніе моей души, достигаемое только исполненіемъ воли Бога, а воля эта точно такъ-же не совпадаетъ съ требованіями насилія, казней, войнъ, существующаго порядка.

И потому повторяю: вопросъ не только для христіанина, но и для каждаго человѣка нашего времени не въ томъ, какое общежитіе будетъ болѣе обезпечено: то ли, которое будетъ ограждаться ружьями, пушками, висѣлицами, или то, которое не будетъ ограждаться этими средствами? А вопросъ для каждаго человѣка только одинъ, и такой, отъ котораго уклониться нельзя: хочешь ли ты, существо разумное и доброе, нынче появившееся, а завтра могущее исчезнуть, — хочешь-ли ты, если ты признаешь Бога, поступать противно закону и волѣ Его, зная, что ты каждую минуту можешь вернуться къ Нему, или, если ты не признаешь Бога, — поступать противно тѣмъ свойствамъ разума и любви, которыми одними ты можешь руководиться въ жизни, зная, что если ты ошибешься, ты никогда уже не будешь въ состояніи поправить свою ошибку.

И отвѣтъ на этотъ вопросъ для тѣхъ людей, для которыхъ онъ возникъ, можетъ быть только: нѣтъ, не могу, не хочу.

Говорятъ: «это разрушеніе правительства и уничтоженіе существующаго порядка». Но если исполненіе воли Бога разрушаетъ существующій порядокъ, то развѣ это не есть несомнѣнное доказательство того, что существующій порядокъ противенъ волѣ Бога и долженъ быть разрушенъ?

15 декабря 1894 года.

ИЗДАНІЯ ВЛАДИМІРА ЧЕРТКОВА:

1. **Напрасная Жестокость.** О томъ, нужно-ли и выгодно-ли для правительства дѣлать мучениковъ изъ людей, по своимъ религіознымъ убѣжденіямъ не могущихъ участвовать въ военной службѣ?

В. Черткова.

2. **Голосъ Древней Церкви въ Защиту Свободы Вѣры.**

И. Трегубова.

3. **Помогите!** Обращеніе къ обществу по поводу гоненій на кавказскихъ духоборовъ, составленное

П. Бирюковымъ, И. Трегубовымъ и В. Чертковымъ.

4. **Положеніе Духоборовъ на Кавказѣ въ 1896 году, и необходимыя средства облегченія ихъ участи.**

П. Бирюкова и В. Черткова.

5. **Письма Петра Васильевича Ольховика,** отказавшагося отъ воинской повинности въ 1895 году, письмо Л. Н. Толстого и другія свѣдѣнія, относящіяся къ этому дѣлу.

Готовится серія изданій всѣхъ послѣднихъ писаній Льва Николаевича Толстого.

Адресъ редакціи:

VLADIMIR TCHERTKOFF.

«Broomfield», Duppas Hill, Croydon, London, (Angleterre).

